

Джеймс Хэдли
Чейз

ФИНТ
ПРОСТАКА

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Джеймс Чейз
Финт простака

«Азбука-Аттикус»

1954

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Финт простака / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1954 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-16670-7

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом – распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» В течение почти полувековой писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16670-7

© Чейз Д. Х., 1954
© Азбука-Аттикус, 1954

Содержание

Вступление	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Чейз Финт простака

James Hadley Chase
The Sucker Punch

© Hervey Raymond, 1954

© И. Я. Митрофанова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Вступление

В открытое окно пляжной кабинки Чад видел, как слабо плещутся волны прибоя, широкую полосу песка, золотистого, раскаленного. Направо, вдалеке, виднелись холмы и белая петля дороги – по ней должен был приехать Ларри. В кабинке нечем было дышать от жары. Трудолюбиво жужжал вентилятор, освежая струей воздуха вспотевшее лицо Чада.

Чад снял плащ и закатал рукава. Крепкие мускулистые руки опирались о стол, полупотухшая сигарета тлела, забытая, в крепких сильных пальцах. Он был рослый, крепкий. От долгих часов на солнце кожа его приобрела смуглый оттенок. Броская красивая внешность: гармоничное, четкой лепки лицо, тонкие черные усики, волевой, с глубокой ямкой подбородок, твердо очерченный рот и холодные зеленовато-синие глаза.

Чад потянулся за бутылкой виски, стоявшей у магнитофона, и плеснул неразбавленного в стакан.

Глотнул, покатал во рту, потом проглотил и взглянул на часы. Без двадцати три. До прихода Ларри оставалось еще два с половиной часа. Если начать диктовать прямо сейчас, то всю историю он запишет за два часа, да еще полчаса останется в запасе. Времени достаточно.

Чад глотнул еще виски, резко отодвинул стул и встал, пригладив черные густые волосы. Он с трудом заставил себя взглянуть на тахту у стенки. По лежавшей мертвой женщине скользнул солнечный лучик. Ее голова и плечи свесились за тахту и были не видны. Чад порадовался этому. Ему не хотелось видеть распухшее сине-черное лицо, выпученные глаза и раздутый вывалившийся язык.

С усилием оторвав от нее глаза, он пошел принести тяжелый гаечный ключ из багажника. Вернувшись, положил ключ на стол, поближе к себе. Затем опять уселся и закурил.

Несколько минут он сидел, уставившись на магнитофон, стараясь сообразить, как начать. Но мысли у него метались, перепрыгивали на мертвую, снова и снова виделось выражение ужаса в ее глазах, когда его пальцы сдавливали податливое мягкое горло.

– Что ж, приступим, – произнес он вслух – хрипло, зло. – Забудем о ней. Она мертва. Сейчас надо подумать о себе. Ты влип, парень, и здорово. Надо выбираться. Итак, к делу.

Чад потянулся, нажал клавишу магнитофона – закрутились бобины, он наклонился к микрофону. И быстро заговорил, слова выскакивали часто, узкая лента неторопливо перематывалась с бобины на бобину.

– Окружному прокурору Джону Харрингтону, лично, – диктовал он. – Мистер окружной прокурор, это признание в убийстве, совершенном мной, Чадам Винтерсом из Клиффсайда, Литгл-Иден, штат Калифорния. Тридцатое сентября, два сорок пять пополудни.

Чад приостановился, посмотрел на золотистый песок и синий Тихий океан, медленно и плавно кативший волны к далеким скалам.

– Я мог бы просто рассказать об убийстве, как я его совершил и почему лейтенант Леггит не арестовал меня сразу, как узнал, что совершено убийство. Но дело сложное. Я хочу изложить всю историю с самого начала, четко и последовательно, чтобы вы поняли, почему все закончилось убийством.

Обещаю, скучно вам не будет. Итак, располагайтесь поудобнее, приступаю...

Глава первая

В мае прошлого года я сидел у себя за столом в главном зале Тихоокеанского банка, занимаясь своим делом и считая, что оно и банковское тоже. В то время я был младшим клерком по капиталу и ценным бумагам – и сразу замечу, клерком я был никудышным. Не для моей натуры такая работа: целыми днями сиднем сидеть за столом и заниматься деньгами других. Для меня это кошмар наяву.

В то майское утро в бумажнике у меня лежало пяток писем, прибывших с утренней почтой. Четыре – от торговцев, которым я задолжал: они грозились написать в банк о моих долгах, а пятое – от девушки, сообщавшей, что она беременна, и интересовавшейся, что я собираюсь предпринять.

Насчет девушки я не беспокоился. С женщинами я управляюсь всегда отлично, но вот торговцы – проблема. Я их так долго кормил сказками, что знал: на этот раз не сработает. Надо где-то раздобывать денег, не то вылечу из банка, и тогда – конец света.

Деньги требовались позарез, и, похоже, придется обращаться к шейлокам¹. Понятно, стоит попасть им в лапы – и я мертвая пташка, но что делать? Нужда поджимает. Я потянулся к справочнику – найти адрес Лоунстейна, и тут на столе загудел внутренний телефон.

– Винтерс, – отозвался я, стараясь говорить энергично и напористо. Хотя я не ах какую работу делаю для банка, рекламировать этот факт вовсе ни к чему.

– Мистер Винтерс, пожалуйста, зайдите к мистеру Стернвуду.

Такое приглашение означает неприятности. Стернвуд приглашал служащих к себе, только когда хотел задать им взбучку.

Ладно уж, признаюсь: я вспотел, сердце у меня стучало неровно. Вдруг какой-нибудь сукин сын, которому я задолжал, наябедничал? Или эта маленькая шлюшка Пола обратилась к нему? А может, я чего напортачил на работе? Когда я шагал вдоль длинного ряда столов к Стернвуду, другие служащие искоса поглядывали на меня. Они все знали, куда я иду.

Все они были устроенные добропорядочные ребята. Многие женаты, с целым выводком детей, а те, кто еще не женат, поджидали свою мисс Добропорядочность. И все, как один, за исключением, может, Тома Лидбиттера, не одобряли меня. Не нравился им ни стиль моих костюмов, ни мои заигрывания с хорошенькими машинисточками, ни объем работы, какой я выполнял. Неодобрение их торчало, точно иглы дикобраза, держались они со мной враждебно. Не то чтобы это скребло мне душу – друзей у меня своих полно, и они не такие чопорные и прижимистые полудурки.

Я постучался в дверь кабинета Стернвуда, повернул ручку и вошел.

Стернвуд с моим отцом были старинные приятели. Стернвуд и придумал, что я должен служить в банке. Меня никто не спросил. Отец ухватился за предложение, и вот я тут и застрял.

В кабинет Стернвуда я не входил с тех пор, как вернулся после пятилетней службы в армии. Тогда он держался очень приветливо. Разговаривал со мной, как с героем, сулил большие перспективы в банке. Но сегодня что-то непохоже, чтобы он распахнул мне объятия.

– Входи, Чад, – пригласил он, откладывая бумаги, – присаживайся.

Я присел, стараясь не разваливаться. Он подтолкнул мне через стол золотой портсигар. Мы закурили в многозначительной тишине.

– Сколько тебе лет, Чад? – спросил он погодя.

– Тридцать два года, сэр.

– Ты у нас после войны уже четыре года?

¹ Шейлок – один из главных персонажей пьесы У. Шекспира, еврей-ростовщик; олицетворение скупости.

– Да, сэр.

– Да три года перед войной служил?

– Верно, сэр.

– Лидбиттер у нас всего пять лет. Как же получается, что он уже помощник управляющего, а ты все в клерках ходишь?

– Наверное, у него ума побольше, сэр, – подыграл я. Наверняка ведь ждал он именно такого ответа.

– Нет, – покачал он головой. – Причина та, что ему интересна работа, он усердно трудится, а тебе лишь бы отвязаться.

– Не совсем справедливо, сэр... – завел было я, но осекся, увидев выражение его глаз. Он был очень строг, когда хотел. И похоже, сейчас именно тот момент.

– Мне, Чад, оправдания не нужны. Я читал твои отчеты и пристально слежу за твоей работой несколько последних недель. Ты не работаешь толком, тебе скучно в банке.

Во рту у меня вдруг пересохло. Разговор клонился к тому, что меня вот-вот вышибут, а в другом банке работы мне не получить, тут я не обольщался.

– Если бы другой клерк вел себя так, я бы давно его вышвырнул. В чем дело, Чад? Ты не хочешь у нас работать?

Внезапная его доброта удивила меня, но с ответом я нашелся быстро:

– Ну что вы, сэр! Конечно хочу! Наверное, я и правда немножко отлынивал, извините. Такого больше не повторится. Простите на этот раз.

Стернвуд принялся расхаживать по кабинету.

– Мы были с твоим отцом добрыми друзьями. Ради него дам тебе еще шанс. На этот раз тебе придется выполнять совсем другие обязанности.

– Благодарю, сэр. – Я вздохнул свободнее.

– Не торопись с благодарностями. – Стернвуд снова уселся за стол. – Работа, Чад, особая. Или ты ее одолеешь, или она прикончит тебя. Работенка не для лодырей. Вцепись в нее – и ты выплывешь. Я серьезно. Это твой последний шанс. Чтобы немножко взбодрить тебя, я повышаю тебе зарплату на сто пятьдесят долларов. Но смотри не обольщайся: отработать тебе придется каждый цент.

Я застыл. Только одна должность подходила под описание, а уж она-то мне совсем ни к чему: язва банка, кошмар Лидбиттера, работа, от которой он облысел в полгода.

Стернвуд разулыбался:

– Ну, я вижу, Чад, ты уже догадался. С этой минуты надзор за счетами Шелли на тебе.

Наверное, вы знаете все о Джоше Шелли и о том, как он сделал свои миллионы, выпуская тракторы для ферм, а потом удвоил состояние, переведя заводы на производство танков.

А вот чего вы, возможно, не знаете, так это того, что когда он умер в 1946 году, то оставил всю недвижимость, а также семьдесят миллионов, своей единственной дочке Вестал. Управление своим состоянием и вкладами он доверил Тихоокеанскому банку с оговоркой в завещании, что, если Вестал не понравится, как банк управляет делами, она вольна поместить капитал в другой.

Многие банки и фирмы по управлению отдали бы правый глаз, чтобы получить капитал в свое распоряжение. Тихоокеанский скоро обнаружил, что денежки, которые им удавалось выманить из мисс Шелли, тяжеленько им достаются.

Вестал Шелли была стервой чистой воды, можете даже не сомневаться. Сколько лет ее наставлял старик Джош, а не мне вам напоминать, что это был за тип. До его смерти жилось ей паршиво. Он держал дочку на скудном денежном пайке, запугивал, не разрешал водить компанию с мужчинами, никогда не устраивал для нее приемов. Двадцать лет она прожила в строгости и одиночестве, точно монашка.

Будь она милой и доброй, ей можно было бы даже посочувствовать, но ни милой, ни доброй она не была. Пошла дочурка в папашу. Жестокая, злобная, алчная. Так что, когда наконец отец ее сыграл в ящик и на нее свалилось семьдесят миллионов, она вырвалась из одиночного заключения, словно разъяренный бык, жаждущий крови.

За шесть лет по меньшей мере пятнадцать лучших клерков Тихоокеанского банка занимались состоянием Шелли. Они или сами поднимали лапки кверху, доведенные до отчаяния, либо Вестал требовала, чтобы их убрали, якобы из-за их некомпетентности.

Лидбиттер продержался дольше других. Восемь месяцев он служил Вестал словно раб, и если бы вы видели его, когда он начинал эту службу и в ту минуту, когда он передавал дела мне, то поняли бы, как невероятно тяжки были эти обязанности. Счет Шелли служил предметом нескончаемых банковских шуточек, но поверьте мне: тот, у кого он висел на шее, не хохотал над этими остротами.

Я отправился выложить новость Лидбиттеру. Он поднялся и, хотите верьте, хотите нет, задрожал по-настоящему, зримо, с головы до пят.

– Ты серьезно?

– Вполне. Принимаю от тебя дело прямо сейчас, такая мне невезуха.

– Тогда пойдем в комнату Шелли, введу тебя в курс.

В комнате от пола до потолка громоздились полки с папками. Тут стояли все документы до последнего: расписки, контракты, каждый клочок бумаги, касающийся богатства Шелли, находился тут. Пятнадцать простофиль потели, создавая четкую надежную картотеку, так что, если вдруг мисс Шелли вздумается позвонить и спросить о ренте или дивиденде, бедолага, который в данный момент галерничал тут, сумел бы выдать информацию без проволочки.

Когда Лидбиттер начал с папки «А» с явным намерением добраться до «Я», я прервал его:

– Эй, минутку! – Я примостился на стол. – На фиг мне вся эта галиматья! Давай опустим. Он воззрился на меня, точно я признался в том, что укукошил собственную мамочку.

– Но ты должен знать! Эти папки – основа счета. Несешь черт знает что.

Я недоумевал, чего это он повернулся вдруг ко мне спиной.

– Ты должен знать, где что искать. – Голос у него вдруг сел, я даже испугался. – Ты не отдаешь себе отчета, какая огромная ответственность лежит на тебе. Мисс Шелли требует высочайшего уровня компетентности. Ее счет, пожалуй что, самый крупный в стране. Потерять банку его нельзя ни в коем случае!

– Между нами говоря, – я закурил, – сердце у меня не разорвется, если и потеряем. Может, ты или Стернвуд воображаете, будто я тут ночей спать не буду, так очень зря. – Он ничего не ответил, стоя неподвижно, спиной ко мне, опустив голову, вцепившись в ящик. Я видел, что его по-прежнему бьет дрожь. – Что такое, Том? – встревожился я. – Тебе что, нехорошо?

Тут произошло нечто, чего я в жизни не забуду, мне даже муторно стало. Он спрятал лицо в ладони и зарыдал, точно баба-истеричка.

– Да что случилось-то, Том? Давай сядь, успокойся.

Я обнял его, проводил к стулу, усадил. Он свалился на стул мешком, по-прежнему не отрывая рук от лица и рыдая. Вид у него был до того жалкий и убитый, что я почувствовал не презрение, а жалость и тревогу. Похоже, тут не слабование, а человек, дошедший до края.

– Ну давай, легче, легче, – похлопал я его по плечу. – Давай успокойся, ты уже большой мальчик.

Вытащив платок, он вытер лицо. Печально было наблюдать, каких трудов ему стоит совладать с собой.

– Я... я... извини, не знаю, что это на меня напало. Нервы шалят... – Он снова отер лицо. – Прости, Винтерс... нечаянно как-то получилось.

– Ничего, забудь. – Я сел за стол. – Вид у тебя измученный. Ты что, перетрудился?

– Ты не представляешь, что это за баба! – вырвалось у него. – Я так старался угодить! Землю носом пахал! Не хотел терять работу. Стернвуд пообещал мне повышение в конце года. Старшенький-то мой в школу идет, и повышение покрыло бы все расходы. Но мисс Шелли прослышала про повышение. Она всегда и все слышит. И давай придирается! То не так, то не эдак! Что мне вынести пришлось последний месяц! Не представляешь! И вот теперь всему конец. Хоть бы предупредили, хоть бы словечко сказали!

– Но почему она-то не хотела, чтобы тебе зарплату повысили? – недоумевал я, прикидывая: может, бедняга свихнулся от усердной работы?

– Ты погоди! – прерывисто вздохнул он. – Погоди, погоди! Собьет с тебя самоуверенность твою! Ей вообще не нравится, когда кому-то везет. Не по нутру, когда другому хорошо. Только тебе почудится, будто ты научился с ней обходиться, хлоп – оказывается, ситуацией-то управляет она. Человека в покое ни на миг не оставляет, даже ночами звонит. То одно, то другое – то спросит, то напомнит. На этой неделе три раза вытаскивала меня из постели. Посылает за мной дважды на день. Бросишь тут все и мчишься к ней, а там приходится часами сидеть, дожидаться, а потом выходит секретарша и объявляет, что мисс Шелли занята, принять не может. Сижу тут потом допоздна, наверстываю упущенное. Через пару месяцев станешь таким же, как я.

– Думаешь? – высокомерно спросил я. – Ошибаешься, дружок! Смею тебя заверить, уж с женщинами-то я умею управляться. На мне эта мерзавка верхом не покатается. Вот посмотришь!

Глава вторая

Я пометил в блокноте: позвонить Вестал Шелли 15 мая в 11 утра. Нельзя сказать, чтобы я особо готовился к встрече оставшуюся неделю: так, научился ориентироваться в папках, а детали запоминать даже не пытался. От Лидбиттера толку было мало. Неважно себя чувствовал. Он посвятил меня только в самые важные пункты, но уж действительно критические.

Не так давно мисс Шелли выдвинула три требования, на которые Лидбиттер не пошел. Вот она и надавила на Стернвуда, требуя убрать непокорного клерка. Итак, во-первых, она потребовала, чтобы норковое манто, недавно ею купленное, стоимостью в двадцать пять тысяч долларов, было представлено налоговому управлению как расход на деловые нужды и включено в соответствующую графу. Лидбиттер справедливо указал, что такое требование нелепо, налоговое управление решит, что в банке все с ума посходили.

Второе: поднять квартплату в домах Шелли Фаундейшн – а дома тянутся на две мили, в Ист-Сайде – на пятнадцать процентов. Лидбиттер напомнил, что квартплату она повышала всего только в прошлом году, так быстро нельзя повышать опять. «Харрисон и Форд» – фирма, управляющая домами Шелли, поддержала его целиком и полностью. Они упирали на то, что плата и так несуразно велика, учитывая состояние квартир, и сборщики не сумеют выколотить дополнительные деньги из жильцов.

И наконец, мисс потребовала, чтобы банк продал жилой дом номер 334 на Вестерн-авеню, ее отец купил его еще в 1914 году. На первый взгляд требование вроде бы разумное, так как стоимость дома резко подскочила. Однако в доме жило пять семей, поселившихся в нем еще во времена отца мисс Шелли. Банк рассудил, что с ними тоже надо считаться. Дом у Вестал торговал Мои Бергесс. Цену предлагал хорошую, так как планировал устроить в доме бордель люкс.

Так что помимо всех вопросов-ловушек, в которые она могла поймать меня, следовало уладить эти три пункта, если я хотел продержаться на этом посту хоть какое-то время.

Утром 15-го после десяти часов я быстро смотался домой и переоделся. Лидбиттер к мисс Шелли всегда являлся в строгом темном костюме. Я решил: пусть Вестал сразу заметит, что произошли перемены. Надел желтую спортивную льняную куртку с накладными карманами, белую открытую рубашку, повязав на шею коричневый шарф в желтый горох, натянул синие габардиновые брюки и мягкие кожаные мокасины. В таком наряде я стал похож не на заштатного клерка, а на знаменитого актера кино, чего я и добивался.

Частная дорога в дом Шелли была проложена по склону скалы. Она петляла и кружила мили три, все вверх и вверх, и наконец утыкалась в кованые железные ворота в пятнадцать футов вышиной на высоте девятисот футов над уровнем моря. Когда такси пошло на последний поворот и появился дом, я обалдел. Конечно, я и ожидал увидеть роскошный дом, но ведь это же не дом, а настоящий дворец!

Располагался он на огромной террасе, просторной, красивой, из полированного белого мрамора. Не успел я войти и оглядеться, ища звонок или молоток, как одна из дверей открылась, вышел Харджис, управляющий Вестал. Высокого роста, толстый, с надменным аристократическим лицом архиепископа. Холодные серые глаза обежали меня, точно сибирский ветерок обдул.

– Мистер Винтерс, – назвал я, – к мисс Шелли.

Он посторонился, и я шагнул в холл размерами с Центральный пенсильванский вокзал.

– Садитесь, пожалуйста, сэр. – И он ушел, высоко держа голову, с прямой как шомпол спиной.

Я прошелся, разглядывая рыцарские доспехи, алебарды, копыя, палаши, поблескивающие на дубовых панелях. Висело несколько писанных маслом портретов упитанных красав-

цев-кавалеров кисти Франса Гальса, а может, и не его. Атмосфера дома начала оказывать на меня странный эффект, я уже жалел, что вырядился так пестро. И даже вдруг напугался встречи с Вестал Шелли.

Мысленно я представил себе Тома Лидбиттера. Как он сидит часами в этом зале в дешевеньком темном костюмишке, сжимая папку в потеющих ладонях, в ожидании битвы, которую ему ни за что не выиграть.

Спустя несколько минут вернулся Харджис.

– Пожалуйста, пойдёмте со мной. . .

Он двинулся по коридору, я следом. А коридорище широченный, хоть на десятитонке катайся. Остановились мы у двустворчатых дубовых дверей. Харджис, легонько постучавшись, повернул ручку и открыл дверь.

– Мистер Винтерс из Тихоокеанской банковской корпорации, – объявил он таким тоном, будто представлял захудаленький номер в паршивеньком варьете.

Я скрепился и вошел. Небольшая комната, залитая светом, утопает в цветах. Створчатые окна выходят на террасу, а оттуда открывается чудесный вид на сад и океан вдали. У окна стоит большой стол, а за ним девушка – темные волосы забраны в узел, синие глаза смотрят на меня сквозь строгие, без оправы очки.

Увидел я только волосы и очки, и вот тут-то я и оплошал. Теперь, когда я знаю про Эву Долан то, что знаю, мне кажется невероятным, как это я не сумел разглядеть в ней ту, от которой потом несколько месяцев спустя сходил с ума. Но женщины в очках для меня не существуют, вот я и не дал себе труда взглядеться в нее попристальнее, я с ходу решил, что эта – из племени кислых старых дев, а старые девы меня никогда не интересовали и интересоваться не будут.

– Мистер Винтерс? – спросила она, и я понял, что мой наряд привел ее в недоумение.

– Он самый.

– О! А я – мисс Долан, секретарша мисс Шелли. Присядьте, пожалуйста. Мисс Шелли, возможно, задержится.

Я вспомнил рассказы Лидбиттера. Как его держали тут часами, а потом отсылали несолоно хлебавши. Со мной этот номер не пройдет.

– Когда мисс Шелли позовет, найдете меня в саду. – Я развернулся и ушел на террасу. Я слышал, как она что-то говорит, но не остановился. Спустившись по лестнице, я присел на балюстраду и закурил.

Нервничал я изрядно, но твердил себе: номер не пройдет. Я решил дать ей пятнадцать минут и приступить к действиям. Отряд китайцев-садовников с любовью и тщанием обихаживал лужайку и клумбы, красивые, изысканные. Пока медленно ползли стрелки часов, я выкурил три сигареты. Наконец пятнадцать минут истекли, и я вернулся в святилище мисс Долан.

– Мисс Шелли все еще не может принять меня? – Я оперся о стол, чуть наклонясь, чтобы она уловила аромат лавандовой воды, которой я протираюсь после бритья.

– Боюсь, нет. Она, мистер Винтерс, случается, задерживается надолго.

– Дайте мне, пожалуйста, листок бумаги и конверт.

Неожиданность для нее. Чуть поколебавшись, она указала на полку с бумагой и конвертами.

– Благодарю. Не возражаете? – Я поднял машинку и поставил ее перед собой, подвинул стул и уселся. Мисс Долан начала было что-то говорить, но передумала. Она по-прежнему что-то писала в блокноте, но я видел, что девушка сбита с толку.

Я отстучал записку:

Дорогая мисс Шелли!

Жду встречи с Вами уже пятнадцать минут. Сейчас мисс Долан сообщила, что Вы, возможно, задержитесь еще.

Так как я человек совестливый, считаю своим долгом напомнить Вам, что, пока я отдыхаю в Вашем чудесном саду, я трачу попусту Ваше время и Ваши деньги. Есть старая поговорка: пока вкладчик спит, биржа не ждет.

Речь идет о норковом манто, проблема которого требует срочного – безотлагательного – обсуждения.

Поставив подпись, я вложил записку в конверт и ткнул пальцем звонок. Через минуту-другую появился молодой слуга.

– Немедленно передайте записку мисс Шелли, – попросил я.

– Да, сэр.

Пала долгая тяжелая тишина, я подошел к окну и стал любоваться садом. Чтобы успокоиться, я закурил сигарету. Держался я спокойно, но нервничал здорово. Тикали минуты. Я то и дело поглядывал на часы, гадая, сработает блеф или нет. Раздался стук, дверь отворилась. За спиной у меня извинительно покашлиали. Я обернулся.

Меня почтительно ждал молодой слуга.

– Мисс Шелли приглашает вас, сэр. Сюда, пожалуйста.

Я пошел за ним. Приостановившись по пути, оглянулся на мисс Долан. Та сидела, застыв, уставясь на меня, на лице у нее озадаченность и чуть-чуть восхищения. Медленно, выразительно подмигнув секретарше, я последовал за слугой. Шел я – будто по облакам парил.

Четкой картинки, какая из себя мисс Шелли, у меня не было. Поэтому, увидев ее – она полусидела на безбрежной кровати, стоявшей на помосте, – я малость оторопел: совсем маленькая, тщедушное тельце. Бросалась в глаза копна густых рыжих волос, яркие перья которой ореолом горели вокруг крошечной головки.

Тоца до безобразия. Блестящие большие глаза запали в темных глазницах. Небольшой костистый носик походил на клюв ястреба. Большой рот под густым слоем кроваво-красной помады.

Я рассматривал ее, а она рассматривала меня.

– Вы – Чад Винтерс? – наконец спросила мисс Шелли.

Голос у нее оказался на редкость глубокий, музыкальный, совсем не сочетавшийся с ее худобой и миниатюрностью.

– Да, мисс Шелли. Я принял пост от Лидбиттера. Но мистер Стернвуд, наверное... – Я запнулся, потому что увидел, что она совсем не слушает меня, все рвется что-то сказать.

– Это вы писали? – Она подняла записку.

– Да.

Вестал разглядывала меня. Тянулось долгое молчание.

– Вы очень красивы, мистер Винтерс. А нарядились так ради меня?

– Разумеется. Мне показалось, вам надоели серые банковские клерки. Вы их уже пятнадцать сменили. Остался я один. Вот я и подумал, может, вам понравится смена декораций.

– И умно сделали. И это, – она помахала запиской, – тоже умно. Я собиралась долго томить вас в приемной.

– Так я и понял. Потому и написал.

Наклонив голову, она поразглядывала меня еще. Потом махнула на изножье кровати:

– Присаживайтесь.

Я поднялся на четыре ступени помоста и присел.

– Ну так что с моим норковым манто? – Глаза ее впились в меня.

Хотя я и наплевал на все подробности счета Шелли, но над тремя критическими пунктами помозговал. И нашел решение для всех трех. Но напрямую их выкладывать опасался.

– Прежде чем приступлю, пообещайте, что забудете все мои предложения, если не одобрите их.

Глаза у нее загорелись удивлением и интересом.

– Слушаю.

– Вам, мисс Шелли, не нравилось, как банк управляет вашими делами. Как я понял, банку нравилось давать вам советы, в которых вы не нуждаетесь. Вы и банк – как бы это выразиться – находились по разные стороны реки. А я хочу переплыть эту реку – работать на вашем берегу.

– Вы начинаете меня интересовать, мистер Винтерс. – Она не отрывала от меня глаз. – Ну а теперь – про норковое манто.

– Вы просите включить его в графу деловых расходов. С точки зрения банка и налогового управления, предложение крайне неразумное и нелепое.

Она по-прежнему смотрела на меня, лицо ее ничего не выражало.

– Дело обстоит так. Лично я целиком за то, чтобы нагреть правительство. Но позиция банка совсем не такова.

– Забудем о банке, а?

– Пока что нельзя. Ведь только через банк я могу провести этот пункт как деловой расход. Цифры из банка проходят через налоговое управление без вопросов. Конечно, иной раз и банку приходится представлять квитанции в подтверждение своих отчетов, но, по моим наблюдениям, такое случается раз в столетие.

– Продолжайте, мистер Винтерс, пока что мне все понятно.

– Единственный способ включить стоимость норкового манто в графу деловых расходов – это замаскировать его под что-то иное. – Я чуть переждал. И продолжил: – Правда, это называется мошенничеством.

Повисла долгая пауза. Реакция значила многое. По лицу ничего не понять. Глаза по-прежнему впивались в меня.

– Пожалуйста, объясните еще раз, мистер Винтерс, – мягко попросила она.

Я колебался. Не подставляюсь ли я? Вдруг возьмет да позвонит Стернвуду?

– Это называется мошенническим получением дохода, мисс Шелли. Вас могут оштрафовать или даже посадить в тюрьму.

– А что, дело могут раскрыть?

Я перевел дыхание. Она сказала все, что мне требовалось. Остальное – пустяки. Если бы она шарахнулась от моего предложения – конец, моя песенка спета. Голос ее звучал решительно. Заботило ее только одно – грозит ей разоблачение или нет.

– Дельце я обделаю так, что вероятность разоблачения будет – пятьдесят против одного, а на такой риск пойти всегда можно.

– И как же вы это проделаете?

– В тысяча девятьсот тридцать шестом году ваш отец производил значительный ремонт на своих фермах. Ремонт этот пошел в деловые расходы, он подал заявление на определенную сумму и получил ее. Налоговое управление не потребовало квитанции. Поверило банку на слово, что работы действительно производились. Квитанции эти у меня, я подчистил даты, поставил нужный год. Так что теперь у меня имеются квитанции, которых налоговое управление никогда не видело, на капитальный ремонт трех ферм на сумму тридцать тысяч долларов. Более чем достаточная сумма на норковое манто. Верно, мисс Шелли?

– А если вдруг налоговое управление пожелает проверить подлинность ремонта?

– Вот это, мисс Шелли, и есть тот один шанс. Если пожелает, то мы погибли. Но нет, не пожелают. У них и так дел полно. Тихоокеанская банковская корпорация котируется высоко. В ее слове не усомнятся. Я вам обещаю.

Она кивнула и улыбнулась. Зубы у нее были маленькие, белые.

– По-моему, за это надо выпить шампанского, мистер Винтерс. Мне кажется, вы очень умный молодой человек. – Она тронула звонок у постели. – По-моему, деловые отношения нам предстоят долгие и приятные.

Так вот все просто получилось. Я уже видел, как приоткрываются двери в мир, в который я так рвался. Только и нужно было – войти и взять все, что хочется.

Харджис принес шампанское в серебряном ведре со льдом и водрузил на столик. Бутылку он откупорил мановением пальцев, что указывало на многолетнюю практику. Он разлил пенящееся вино в два бокала, один почтительно протянул Вестал, другой – мне. И ушел.

– За долгие и выгодные отношения, мистер Винтерс. – Вестал подняла бокал.

Мы выпили. Дряннее шампанского я, пожалуй, никогда не пил и с трудом удержался от гримасы. Подняв глаза, я увидел, что она внимательно наблюдает за мной.

– Извините, Харджис, кажется, навредничал. – Она отставила бокал. – Эту кислятину я отдаю прислуге на праздники.

Я вспыхнул от гнева.

– Видно, решил, что для меня сойдет, – невольно вырвалось у меня.

– Очень может быть, – улыбнулась она. – Старые слуги семьи порой весьма норовистые. Но не огорчайтесь. Он оценит вас, когда получше узнает. Теперь, когда решен вопрос с манто, ваши предложения относительно квартплаты?

Эта ее любезность, уступчивость, ее комплименты: «Ах, какой вы красивый, ах, какой умный», гнусное ее шампанское – все это только до той поры, пока я буду ей полезен. Норкового манто за просто так ей будет мало, ее потянет на большее. Заполучила манто, теперь рвется повесить квартплату, а добившись квартплаты, будет наседать с продажей дома.

– Квартплата? – словно бы удивившись, переспросил я. – Ну это-то уладить легко, если пожелаете.

– Но как же?

– Надо сменить фирму по управлению делами. Знаю я тут одну, там без суматохи и шума повысят плату.

– Так за чем же дело стало?

– Нужно письмо от вас «Харрисону и Форду». Напишите, что с первого числа они вас больше не представляют.

– Но они больше сорока лет собирали квартплату для нашей семьи...

– Когда слуга перестает быть полезным, самое мудрое – избавиться от него.

Она смотрела на меня, в глазах у нее нарастало презрение.

– Смотрите берегитесь! Роя яму другому, как бы самому в нее не угодить!

– Вряд ли, – парировал я. – Я себя вашим слугой не считаю. Управляющий ваш, может, и воображает, будто меня можно поить шампанским для прислуги, но как бы этот фокус ему не аукнулся. Полезным для вас, мисс Шелли, я постараюсь быть, но не воображайте, будто я ваш слуга.

– Не злитесь вы на Харджиса. Он вам в отцы годится. Мы с вами, я уверена, отлично поладим.

Я промолчал. По крайней мере, я дал ей понять, что мной помыкать нельзя. Не нравится – пусть берет назад Лидбиттера.

После длинной паузы я сказал:

– Перед уходом я продиктую письмо к «Харрисону и Форду», а вы подпишете.

Она откинулась на подушки, сморщив хищный носик. Может, это она играла в очаровательницу, но мне она виделась размалеванной иссохшей куклой.

– Удачное получилось утро, мистер Винтерс. Никогда еще так удачно не разговаривала с банковским клерком.

– Ну так, в заключение, думаю, вам еще хочется продать дом триста тридцать четыре на Вестерн-авеню?

Она испытующе поглядела на меня:

– Сегодня вы решаете все мои проблемы. И эту решите тоже?

– А тут вообще нет никаких сложностей. Тут все – как вы скажете. Бергесс желает превратить дом в бордель. Желаете вы, чтобы собственность вашего отца стала борделем или нет, решать вам.

Вестал внезапно нахмурилась, и я догадался, что ей не нравится такая прямота.

– Есть ведь еще проблема жильцов, – заметила она. – Лидбиттер говорит, что я не имею права выселять их. Очень расстраивался, что они окажутся на улице.

– Тут без проблем. Я все устрою.

– И как же это, интересно? – вздернула она брови.

– Мисс Шелли, пусть вас это не заботит. Я организую все. Не тревожьтесь.

– Хорошо. Значит, я продаю.

– Сегодня же наведу к Бергессу.

– Так все гладко устраивается, мистер Винтерс. Даже не подозревала, но вы прямо вулкан энергии.

– У вас слишком часто менялись клерки. Мне стало ясно, что тут что-то не так. Банк забыл, что клиент всегда прав.

Мисс Шелли взглянула на часы у кровати:

– О, уже так поздно? У меня через час свидание, а я еще даже не одета.

Меня довольно бесцеремонно выпроваживали. Добилась голубушка всего, чего желала, а теперь выставляет меня за дверь. Я поднялся.

– Приятно было познакомиться, мистер Винтерс. – Она протянула свою руку-клепню. Холодную, костлявую. – Я считаю, что вы очень умный. Я довольна переменной и скажу об этом мистеру Стернвуду.

– Знаете, мисс Шелли, – ухмыльнулся я, – вы можете оказать мне две маленькие услуги.

– Да? – очень холодно произнесла она. – Какие же это, мистер Винтерс?

– Мне хочется поскорее уладить все ваши дела, но у меня нет колес. Было бы очень здорово, если б вы одолжили мне машину денька на два.

– Но ведь это банк должен давать вам машину? Верно?

– Банку не стоит ничего сообщать, пока дела не сделаны, но если у вас не найдется свободной машины...

– «Не найдется!» – вскинулась она. – Да у меня шесть свободных машин!

– Вот и одолжите одну!

Вестал раздраженно закусил губу. Я видел, что ей страшно не хочется ничего одалживать. Ей неохота расставаться ни с чем.

– Ну ладно. Так и быть. Но только на день-другой. Хорошо. Ступайте в гараж. Джо даст вам одну.

– Может, лучше позвоните сначала? А то еще даст такую же паршивую, как шампанское.

Она стала было наливать злостью да вдруг расхохоталась:

– Ну и наглости у вас! Но вы мне нравитесь. Вы явно знаете, чего хотите и куда стремитесь.

– В общем, да. Ну а другая услуга – вообще ерунда. Мне ведь придется выполнять еще не одно деликатное поручение для вас. Вроде дельца с налогами. А я работаю в общем зале, где всякий может заглянуть мне через плечо и увидеть, что я пишу. В ваших же интересах, чтобы мне предоставили отдельный кабинет.

Мисс Шелли начисто утратила всякое высокомерие. Теперь она смотрела на меня как на человека, а не как на дрессированную зверушку. Она прыснула со смеху:

– Интересно, а бедняга Стернвуд знает, что за клерк у него трудится? Спорю, нет. Вы далеко пойдете, мистер Винтерс. Пожалуйста, можете сослаться на меня. Скажите, я настаиваю, чтобы вам предоставили отдельный кабинет.

Вот так я заполучил машину и кабинет. Видите, что я имел в виду, когда говорил, что двери в мир, куда я стремился, широко распахнулись для меня? И это было только начало.

Глава третья

Мои Бергесс восседал за обшарпанным столом, в зубах у него торчала потухшая сигара, черная засаленная шляпа сбита на затылок. Человечек он был тщедушный: тощенький, с носом как рыбный крючок, с кожей бледной, как жабье брюхо.

Из-за машинки выбралась рыжая красотка с грудью как у примадонны, раскачивая бедрами, пересекла комнату и загородила от меня Бергесса.

– Чего желаете? – осведомилась она голосом, в котором музыки было – как в жестянках, сброшенных с обрыва.

– Его я желаю, – ответил я, указывая на Мои. – Посторонись-ка, милочка. Картинка красивая, но не сейчас и не здесь. – Я обошел ее, ухмыльнулся Бергессу и сообщил ему, кто я. – Приемник Лидбиттера, веду дела мисс Шелли.

Мои оглядел меня, подробно осмотрел спортивную куртку с накладными карманами, потом наклонился исследовать туфли.

– Извините, мистер Винтерс, но не похожи вы на парня из банка.

– Не стоит обсуждать этот вопрос. Вы еще торгуете дом триста тридцать четыре на Вестерн-авеню?

– А то! Но Лидбиттер этот сказал – не продается, мол.

– Цену даете ту же?

– Ну.

– Может, я вам и устрою домик, если эта рыженькая выйдет полюбоваться пейзажем минут на пяток.

Мои несколько подрастерялся, но тут же повернулся и оскалился на девицу, которая тыкала одним пальцем по клавишам, высунув от усердия язык между накрашенных губок.

– Эй, ты! Брысь отсюда!

Когда она проплыла через коридор и закрыла за собой дверь, Бергесс поинтересовался:

– И как же это вы устроите?

– Получите дом по вашей цене, если возьмете в придачу тамошних жильцов.

– На фиг мне жильцы эти?

– Мисс Шелли не желает их выбрасывать на улицу. Они прожили в доме лет тридцать пять. Старенькие уже. Не стоит нервничать особо. Станет дом твоим – возьмешь да выставишь.

Он немножко подумал, ухмыльнулся и сказал:

– О'кей. Я готов, когда мисс Шелли угодно.

– По рукам, договорились. – Я приостановился, закуривая, попутно исподтишка изучая его. – Ну а теперь о сделке.

Глаза у него снова стали сонными.

– Ты, парень, похоже, не промах.

– Дом получишь, когда выступишь мне комиссионные в пятьсот долларов. И не раньше.

– Вымогательство, что ли? – сморщился он.

– Ну. Оно самое. Банк тебя не одобряет. Мисс Шелли боится. Без меня у тебя шансов никаких. Итак, комиссионные – пятьсот долларов. Считаешь, дом того не стоит, так и скажи.

– О'кей, – проворчал он, передернув тощим плечом. – Я прямо ну как дойная корова для вымогателей всяких! – Он вытянул из внутреннего кармана засаленный бумажник, распухший от денег. Увидев столько наличных, я погоревал, что не наколот его на тысячу, но теперь, жалею не жалею, поздно.

– Когда дом откроется, добро пожаловать, мистер Винтерс, испытаешь девочек. Парень ты молоток.

– Не сомневайся. – Я взял деньги. – Забегу завтра за твоей подписью, и дом станет твоим, как только все оформлю. Уж постараюсь побыстреей.

Когда я вышел, рыженькая сделала мне глазки и выпятила грудь. Я даже не запнулся на ходу. Никаких рыженьких, времени нет. Я слушал ласковый шелест долларовых бумажек, слаще музыки не бывает. Удача в этот день так и шла.

Фирм по управлению недвижимостью в Литтл-Идене было пять или шесть. «Харрисон и Форд» среди них самая крупная и солидная. «Стейнбек и Хау» – самая захудалая и сомнительная. Эта фирма, решил я, коренной зуб отдаст, лишь бы управлять домами Вестал. Самые подходящие люди для выжимания добавочной квартплаты для Шелли. В сборщиках у них ходили громилы с развитой мускулатурой и со свинцовыми обрезками труб, завернутыми в газету, – дополнительное средство воздействия для беспрекословной выплаты ренты.

Катя в кадиллаке по бульвару Флоран, я гадал, посмею выжимать коммиссионные из Берни Хау или нет. Прежде я никогда не встречался с ним, но он был широко известен как темная личность. Многие зависит от того, как повернется беседа, насколько для него соблазнительно запустить лапу в дома Вестал.

Войти к нему оказалось несложно. Как только я сказал секретарше, что я из банка, она тут же проводила меня к Хау в кабинет. Он был чудовищно толст, громоздкий, с круглой, как мяч, физиономией, свисающими большими усами и бегающими голубыми глазками. Хау оглядел меня, пока я шел по кабинету, поднялся и протянул большую влажную руку.

– Рад познакомиться, мистер Винтерс. Присаживайтесь.

– Человек вы занятой, я тоже, – заявил я, усаживаясь. – Поэтому перейду прямо к делу. Вы знаете, наверное, что делами мисс Шелли ведает Тихоокеанская банковская корпорация.

Он наклонил голову.

– В сделках мисс Шелли я представляю банк, – продолжал я. – Обязанности эти мне поручили совсем недавно, и я произвожу кое-какие перемены. Как вы относитесь к тому, чтобы взимать квартплату в домах Шелли?

Он потер толстый нос толстеньким пальцем. С выражением лица непроницаемым, как тыл троллейбуса.

– А что, «Харрисон и Форд» отказываются от работы?

– Мисс Шелли намерена отказаться от их услуг. – Я извлек из бумажника бланки квартплаты домов Шелли за прошлый месяц и подтолкнул к нему. – Мисс Шелли желает набавить пятнадцать процентов на сумму.

Он изучал бумаги с минуту, потом поднял глаза.

– Без проблем. Мои люди умеют взимать ту плату, которая желательна клиентам.

– Так, считаете – справитесь сумеете?

– Само собой.

Хотелось бы, чтобы он выказал побольше энтузиазма. Минуты две мы обговаривали условия. К моему удивлению, плату он запросил лишь чуть ниже, чем «Харрисон и Форд».

– Вы понимаете, конечно, что работа эта для вас подарок судьбы? – спросил я. – У мисс Шелли недвижимость по всему штату. Возможно, я сумею убедить ее передать вам управление всеми. Осилите?

– Разумеется, мистер Винтерс. Наша фирма в состоянии заниматься всякой недвижимостью – и большой, и малой.

И ни намек на восторг. В такой ситуации трудно выступать с моим предложением. Я смекнул, что он специально принял такой тон.

– Я сказал – что мог бы. Но это не обязательно означает, что стану, – чуть приоткрылся я.

Он снова потер толстый нос.

– Если хотите сначала посмотреть, как мы управимся с «Шелли Фаундейшн», так пожалуйста, – мягко откликнулся он.

Пикировка не привела меня никуда. Ладно, придется играть в открытую. Я ухмыльнулся:
– Может, слезем с коней да завершим разговор попросту, на половичке? У меня ценное предложение, за которое ухватится любая фирма. Я же пришел с ним к вам. Так что я буду с этого иметь?

Круглое толстое лицо бесстрастно смотрело на меня.

– Что будете иметь? Что-то я вас не совсем понимаю, мистер Винтерс. Вы ведь сказали, что служите в банке, правильно?

– Служу, да не слуга! – вспылал я. – Да, мне приходится служить в банке, но очень скоро произойдут перемены. Может, вам интересно узнать, что банку желательно по-прежнему пользоваться услугами «Харрисона и Форда»? Против фактов не попрешь, мистер Хау. Вряд ли вашу фирму можно назвать очень солидной. Банк никогда не поручил бы вам вести такое дело, и вы это прекрасно понимаете. Я могу изменить все, у меня большое влияние на мисс Шелли. Так с какой такой стати, как по-вашему, мне вдруг отдавать вам ее дела вот так, задарма?

Он изучал меня несколько минут.

– Да, теперь мне понятна ваша точка зрения. Сколько вы желаете, мистер Винтерс?

Наконец-то вынудил его играть тоже в открытую!

– Тысячу. За такую сумму я прямо сейчас передам вам письмо, уполномочивающее вас вести дела по всей недвижимости мисс Шелли.

Он несколько минут изучал девственно-чистое пресс-папье, потом поднял глаза на меня:

– Я бы предпочел письмо, подписанное лично мисс Шелли. Вы мне – письмо, я вам – деньги.

Что ж, убедить Вестал написать ему такое письмо будет нетрудно.

– Принесу завтра в полдень.

– Великолепно. Рад вести с вами дела, мистер Винтерс. Дорогу найдете?

– Деньги, мистер Хау, приготовьте наличными.

– Естественно. До свидания, мистер Винтерс.

На улице я остановился и вытер вспотевшее лицо. Урвать кусок у Бергесса оказалось легче легкого, но я уже сомневался, не совершил ли я ложный шаг, занявшись рэкетом с Хау. Конечно, выигрыш крупный, если он уступит, но что, если он стукнет в банк и угробит меня? Правда, вряд ли. Без меня ему не заполнить дел Вестал никак.

Закурив, я перешел дорогу к «кадиллаку». Приходится рисковать. Если выгорит, мне очистится полторы тыщонки. Только ненормальный не рискнул бы. В банке я нашел на столе записку – доложить Стернвуду, как только появлюсь. С минуту сердце у меня трепыхалось, словно выброшенная на берег форель.

Когда я входил в кабинет Стернвуда, по лицу у меня струился холодный пот. Он поднял на меня глаза и улыбнулся. Я тут же понял, что все в порядке, и мне захотелось пить. Такой жажды я никогда раньше не испытывал.

– Входи же, Чад! Присаживайся.

Сесть я был рад, ноги у меня подкашивались.

– Мисс Шелли как будто очень довольна тобой, мой мальчик. Даже позвонила мне. – Стернвуд улыбался от уха до уха. – Такого никогда прежде не бывало.

– Знаете, так случается, сэр, – небрежно сказал я. – Мы как-то сразу поладили.

– Да уж. Она сказала, что тебе надо предоставить отдельный кабинет, – посмеивался Стернвуд. – Она может заехать, и ей понадобится что-то с тобой обсудить.

Новость изумила меня: я не ожидал, что Вестал будет стараться ради меня. Может, я произвел на нее большее впечатление, чем мне показалось?

– Мысль удачная, – продолжал он, – кабинет для тебя уже готов. Я распорядился, как только мисс Шелли подняла этот вопрос. Пусть почаще заезжает к нам, я совсем не против.

– Правильно, сэр.

– Кабинет для тебя сделали рядом с комнатой мисс Шелли. Оттуда красивый вид, и обставили соответствующе. Послали к тебе стенографисткой мисс Гудчайлд.

– Благодарю вас, сэр. – Я старался не показывать, до чего я всем этим удивлен.

– Ну а как там те три пункта, которые так беспокоили мисс Шелли? Как ты справился?

– Мне, сэр, удалось отговорить ее от норкового манто. Убедил ее, что мы ни за что не уступим. Выказался я откровенно. Объяснил, что тут пахнет мошенничеством с налогами и ее могут привлечь к суду. Она напугалась.

– Молодец! Признаться, мы боялись действовать так, – откровенничал Стернвуд, слегка выкатив глаза. – Женщина она вспыльчивая. Ну а два других?

– Сожалею, сэр, – я пожал плечами, – но она распорядилась еще до моего приезда. Боюсь, Лидбиттер неправильно вел себя. Ей показалось, будто ею командуют, и она проявила независимость. Дом продали Бергессу, а сбор ренты поручили «Стейнбеку и Хау», подняв квартплату в «Шелли Фаундейшн». Хау заверил ее, что без труда выколотишь повышенную ренту.

Вид у Стернвуда стал такой, точно он вдруг пчелу проглотил.

– Стейнбек и Хау! Да ведь они же темные личности! А Хау вообще жулик!

– Так я ей и сказал, но она велела мне не совать нос. Хау здорово на ней наживется. С вашего разрешения, сэр, я предлагаю использовать то небольшое влияние, какое я на нее имею, и уговорить ее предоставить мне вести дела с Хау. Хоть немного умерю его аппетиты.

– Влияние? – Глаза у Стернвуда вдруг прищурились. – О чем это ты?

Слишком поздно я спохватился, что чересчур разоткровенничался. Я ведь не с Мои Бергессом беседую.

– Понимаете, сэр, это звучит самонадеянно, но мисс Шелли как будто прислушивается к моим советам.

Он продолжал пристально взирать на меня:

– Нам не к чему обуздывать Хау, Чад. Нам следует избавиться от него. Пожалуй, мне лучше самому переговорить с мисс Шелли.

Скверный оборот. Если он позвонит Вестал, то выяснится, что та ни сном ни духом не подозревает о существовании Хау, и я здорово влипну.

Он потянулся к трубке, и я заторопился.

– Минутку, сэр. Вы же знаете, какая она. Она, пожалуй, решит, что ею снова командуют. Рука его повисла над трубкой.

– Но должен же я предупредить ее насчет Хау, – резко возразил он.

Еще немножко – и я сорвался бы на крик.

– Когда она мне сказала про Хау, я разнес его на все корки. А она страшно разозлилась. Сказала, что если услышит о нем хоть слово еще, то закроет у нас счет.

Он отдернул руку от телефона, точно тот вот-вот укусит его.

– Мне бы только убедить ее доверить мне контроль, тогда Хау вряд ли учинит ей ущерб.

Он потер подбородок и покивал:

– Думаешь, сумеешь?

– Попробую, сэр.

– А может, мне все-таки...

– Сначала, сэр, давайте попробую я. Если уж не выйдет, возьметесь вы. Тогда будет солидный предлог побеседовать о нем. Скажете, что я неверно вел дело.

Ему вроде понравилось, потому что он свободно откинулся в кресле.

– Ну так тому и быть. Съезди поговори с ней. Если без толку, поговорю я. – Он улыбнулся. – Ну хоть с норковым манто покончено. Тут ты молодец.

– Спасибо, сэр. – Мне не терпелось уйти.

Глава четвертая

На следующее утро я явился в новый свой кабинет еще до девяти. Рекорд для меня. Но хлопот предстояло много, вот я и пришел так рано.

Ночью я усиленно размышлял. Изобрел несколько способов, как подзашибить денег и для себя лично. Я отведал могущество имени Вестал Шелли. Если раскину карты по-умному, сумею получить барыш с ее имени, и немалый, отхватывая комиссионные всякий раз, как устраиваю для нее дельце. Понял я также, что сваял дурака, не выжав из Бергесса суммы покрупнее. А Хау я мог бы наколоть тысячи на три. Я принял твердое решение в будущем не скромничать в своих притязаниях. Товар у меня – высший сорт, и если кому охота купить, пускай уж не скупится.

Набросав вчерне письмо для Хау, которое предстояло подписать Вестал, я позвонил Джеку Керри, молодому адвокату, моему приятелю. Сказал, что хочу поручить ему оформить продажу дома 334 на Вестерн-авеню и обещал доставить все нужные бумаги сегодня же.

Потом я часок-другой изучал книгу вложений Вестал. Как я и думал, все деньги до последнего цента вложены в правительственные бонды и государственные ценные бумаги, то есть все в такой же безопасности, как косоглазая девственница, случайно забредшая на холостяцкую пирушку.

Я посидел, усиленно размышляя, потом отодвинул стул и взял шляпу. Поехал я на Вест-Сити-стрит и припарковался у небоскреба фирмы. Поднялся на лифте на пятый этаж и направился к кабинету Райана Блекстона.

Блекстона я знал уже несколько лет. Молодой, очень веселый и порядочный парень. Он унаследовал дело отца по облигациям и акциям и стал довольно преуспевающим маклером.

При виде меня Райан удивился:

– Каким это ветром? Давай заходи.

Когда мы уселись, я спросил:

– Как ты насчет того, чтобы заняться деньгами Шелли? Вчера я стал вести ее дела. Могу и тебе подкинуть кусочек.

– Чего же лучше!

– Поглядел тут записи об акциях мисс Шелли. Лидбиттер ни дайма для нее не сделал за все эти месяцы. Думаю, сумею уговорить ее испытать тебя, но сначала надо подготовить почву.

– А именно?

– Не знаешь чего перспективного? Что на повышение точно пойдет?

– Пойти могут несколько, но гарантировать, конечно, не могу.

– Предположим, у тебя четверть миллиона для биржи. Это ускорит повышение?

– Если вложить в верные акции, разумеется. – Он смотрел удивленно.

– Мне требуются акции, которые уже повышаются. Мы вкладываем четверть миллиона, чтобы простофили вообразили, будто акции подскочат до небес. Есть что-нибудь такое?

– «Цемент Конвей». За последние дни акции его подскочили на пять пунктов. Но, Чад, риск все равно есть.

– О'кей. Пускай. Счет выдержит. Больше десяти кусков ведь не потеряем, верно?

Челюсть у него отвалилась.

– Ну ты прямо как банкир рассуждаешь. А ну как потеряем?

– А шансы?

– Пятьдесят к одному, сказал бы я. Но погоди-ка, Чад, а полномочия банка у тебя есть?

– А мне они ни к чему. У меня есть полномочия мисс Шелли. Сказал ей, что постараюсь подыскать смекалистого маклера. Готова она потерять десять тысяч в случае проигрыша? Она ответила – да.

Он долго смотрел на меня.

– Если, Чад, ты желаешь вложить деньги, мне бы хотелось письменное распоряжение.

– Пожалуйста. Дай-ка листок бумаги.

Я написал под его диктовку, но не подписался.

– А подпись, Чад? Вот тут.

– Понятно. – Я отложил ручку. – Сначала надо кое-что решить.

– Что?

– Дружище, не будь ты таким наивным. Как думаешь, с чего вдруг мне являться к тебе с самым крупным счетом в штате? Тебе перепадает шанс ворочать деньжищами, о каких ты и мечтать не смел. Тебя заметят и другие крупные фирмы: а как же, маклер мисс Шелли! Позволь же задать вопросик, напрашивающийся сам собой: а что мне-то с этого?

Он разинул рот.

– Ты что? Ты же не можешь предлагать такое, если работаешь на банк?

– Ой, правда? Ну ладно, двинусь-ка я к «Лоуэлллу и Фрэнку». Они-то уж не откажутся от такого предложения только из-за того, что мне приходится пыхтеть в банке.

– Минутку, минутку, – заспешил он. – А в банке?..

– Да пошел он к черту, этот банк! Сделка наша. Твоя и моя. Не нравится – скажи прямо, отправлюсь к другим.

– О'кей, – он пожал плечами, – но, надеюсь, ты понимаешь, что творишь.

– Не сомневайся. Теперь слушай. В маклеры к Шелли попадешь, если половина пойдет мне как комиссионные.

Это его ошеломило.

– Ты даешь! Половина!..

– Половина от всех сделок, какие ты заключишь для мисс Шелли. Не хочешь – не надо.

Ну как?

Он смотрел на меня пару секунд, потом ухмыльнулся:

– Ну ты и грабитель! Но конечно берусь. Насчет «Цементы Конвей» ты всерьез говорил?

– Разумеется.

Подписав письмо, я перебрал его через стол.

– Купи на четверть миллиона и скоренько распродай, как только подскочат на два-три пункта. Хоть сегодня.

– А если начнется приток и они подскочат всерьез? Оставлять?

– Ни в коем случае. Распродавай, если получится, хоть сегодня. Мне хочется дать ей скорый барыш. Она жаднущая, и если увидит, что я умею быстро добывать для нее деньги, то будет поручать нам новые и новые вложения.

Мы еще потрепались немножко, и я поехал в банк «Вестерн Калифорния». Там я открыл свой счет, положив на него сто долларов из денег Бергесса. Потом отправился в свой банк.

В ту минуту я был на вершине. У меня машина, стенографистка, личный кабинет, счет в банке и перспектива огромных барышей.

Да что там на вершине мира! Я среди планет парил!

Я как раз подумывал, не закатить ли себе роскошный ланч в ресторане «Флориан», когда зазвонил телефон. Я нетерпеливо схватил трубку.

– Мистер Винтерс? – женский голос. – Говорит мисс Долан.

Мисс Долан?.. Ах да, правая рука мисс Шелли.

– Как поживаете, мисс Долан?

– Мисс Шелли желает, чтобы вы приехали немедленно.

– Мисс Шелли не повезло. – Я хотел есть и к тому же твердо решил: не прыгать через обруч, стоит ей щелкнуть пальцами. – Приеду, мисс Долан, после двух, у меня есть бумаги на подпись для мисс Шелли.

– Она велела немедленно.

– Извинитесь за меня. До двух я занят.

Пауза, потом она сказала:

– Боюсь, вы не поняли. Дело касается мистера Хау.

– Хау? Берни Хау? А что с ним такое?

– Он только что уехал. Мисс Шелли велела позвать вас срочно. Я никогда не видела ее в такой ярости.

Стало быть, этот сукин сын продал меня! На меня вдруг напала такая паника, что я онемел. Надо же! А я-то уж наполовину протиснулся в дверь! Мог бы догадаться, что этот жулик кинется не к Стернвуду! Отправится к Вестал, которая изничтожит меня.

– Вы еще слушаете, мистер Винтерс? – спокойно спросила секретарша.

– Да, – выдавил я. Квакнул, как лягушка.

– Мистер Винтерс, слушайте внимательно. Пожалуйста. Победить ее, когда она так злится, можно только одним способом. Ни в коем случае не извиняйтесь и не оправдывайтесь. Орите тоже. Еще пуще, чем она. Понимаете? Вам нечего терять. Победит тот, у кого хватит хладнокровия переорать ее. Я знаю ее. Она злится и верещит, но стойкости у нее ни капли. Вы слушаете?

Я слушал в оба уха. Слушал, будто от этого зависела моя жизнь.

– Вы не разыгрываете меня?

– Да нет же! Это ваша единственная надежда. Не говорю, что обязательно подействует, но шанс единственный. Делайте что хотите, только не оправдывайтесь. Передать, что вы едете?

– Да. Скажите, буду через пятнадцать минут. Мисс Долан, не знаю, почему вы даете мне совет, но я благодарен...

Тут я понял, что она уже положила трубку. Я положил свою, вытер лицо и ладони и рывком отодвинул стул. Надеждами я себя не тешил. Даже если у меня хватит наглости орать что есть мочи, последнее слово все равно за Вестал. Машина, кабинет, опытная мисс Гудчайлд, тысяча долларов от Хау, комиссионные от Блекстона и моя служба в банке – все того и гляди ухнет.

Выйдя из кабинета, я прошел коридором к служебному выходу, где оставил «кадиллак» и помчался в ближайший бар. Затормозив, я влетел в зал, опрокинул в себя три порции виски кряду, бармен наливать не успевал. Виски привел меня в чувство.

Поездка до Клиффсайда заняла чуть больше семи минут. В другое время, штурмуй я эту горную дорогу на такой скорости, я бы очумел от страха. Пока я добирался до железных ворот, я крыл Хау последними словами – так я еще никого не ругал.

Ворота открыл Харджис, он взял у меня шляпу. Лицо у него было каменное, и все-таки я был уверен: он знает, почему за мной послали. Наверняка будет поджидать, чтобы всучить мне шляпу на обратном пути. Ну пусть только посмеет усмехнуться или еще как выказать торжество, воткну ему его вставную челюсть в глотку.

– Мисс Шелли ждет вас, сэр, – произнес он и повел меня по широкому коридору в большой зал, выходящий на террасу. – Вы найдете ее на террасе, сэр.

Я поглубже вздохнул и шагнул на террасу. Она сидела на балюстраде в бутылочно-зеленом легком костюме. Сзади она была похожа на ребенка, но, когда она обернулась ко мне, на худющем белом лице не было ничего детского.

– Ах, вот и он, премудрый наш мистер Винтерс! – приветствовала она меня, развернувшись на балюстраде. – Ну, мистер Винтерс, что скажете?

Я подошел, засунув руки в карманы, сердце у меня так колотилось, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди, но на лице я сохранял вопросительно-вежливое выражение.

– А что я должен говорить?

– Не надо притворяться! Не смейте лгать!

– Из-за чего все-таки шум? Я чем-то не угодил вам?

Ее трясло от злости. Руки-клешни то сжимались, то разжимались, словно она едва удерживалась от соблазна выцарапать мне глаза.

– Вам Берни Хау знаком? – потребовала она придушенным голосом.

– Да, а что? Очень смысленный адвокат по уголовным делам. Как раз собирался, мисс Шелли, говорить с вами о нем. Мне подумалось, что он-то сумеет выбивать для вас квартплату.

– Не об этом речь! – завизжала она. – Работу вы ему предлагали за взятку в тысячу долларов! Да или нет?

– А что такое? Да. Ну и что? Так всегда делается. Тем более с личностями вроде Хау. Кто же ему без комиссионных работу-то даст? Но не на это же вы рассердились, мисс Шелли?

Соскользнув с балюстрады, Вестал подскочила ко мне. Голова ее не доставала мне до плеча, положение явно для нее невыгодное, но она этого не осознавала.

– А деньги вы намеревались присвоить?

Вот он шанс извернуться. Только стоит соврать, что нет-нет, дескать, деньги я, конечно же, хотел передать вам, – и сразу уgomонится. Но – может, виски виноват – я ринулся в бой. К чертям собачьим, еще деньги ей дарить!

– А вы как думали? – осклабился я. – На благотворительность их, что ли, пожертвовать хотел?

– Значит, за взятку намеревались передать Хау работу по сбору квартплаты? Да или нет?

– Взятка, мисс Шелли, не совсем то слово. Это комиссионные, которые мне причитаются.

– Вот как! Мошенник! Плут! – орала она в исступлении. – Еще смеет тут ухмыляться, как обезьяна! Пользуется моим именем, чтобы карманы себе набивать!

– Меня мошенником обзываете? – Я рванулся вперед, тоже выказывая норов.

– Вас, вас! Именно! Сам темная личность! Рэкетир чертов! – Она орала так, что ее, конечно же, слышали в доме все. – Как увидела эти пестрые тряпки на тебе да льстивые твои подходцы, сразу поняла – мошенник! Жулик!

– Не позорьтесь! Что вы орете, точно девка Бергесса?

Она отступила, худое лицо горело ненавистью.

– Как ты меня обозвал? – Голос у нее вдруг сел. – Я... я...

– Я только попросил вас не визжать, точно девка. – Я тоже понизил тон.

– Ну, ты у меня заплатишь! Тебя вышвырнут из банка! Выселят из города! Посмотришь! Никакой работы тебе больше не видать!

– Не надо так драматично, – презрительно остановил я. – Вы что, воображаете, будто я напугался? Я вам не размазня и плакса Лидбиттер! Воображаете, я от страха трясусь, что ли? Ах, ах! Да плевал я на ваши визги! – Я снова шагнул, соорив суровое лицо.

Мне показалось, в ее бешенстве проглянуло удивление.

– Вот посмотришь! – завизжала она. – Прочь с дороги! Позвоню твоему боссу, поглядим, что он скажет! – Она метнулась мимо меня в зал.

Ну, момент настал. Если допустить ее разговор со Стернвудом, я пропал. Что мне терять? Меня уж и самого трясло от злости. Я рванул следом, она уже сняла трубку, но моя рука перехватила ее.

– Минуточку!

Она развернулась и двинула мне левой рукой по носу, костлявые костяшки ободрали мне кожу. Тут, верно, я потерял контроль. В точности даже не помню, что произошло в те несколько секунд. Вдруг я обнаружил, что трясу ее за плечи, ярко-рыжая голова у нее мотается взад-вперед, а я гляжу на нее, точно вот-вот прикончу.

Она попыталась было визжать снова, но ей попросту не хватило воздуха. Рот у нее беспомощно открыт, глаза выпучились – видно, перепугалась насмерть. Я плюхнул ее на стул с такой злостью, что она чуть не свалилась, и наклонился над ней, по-прежнему стиснув ей плечи.

– Слушайте же, – свистяще, злобно, торопливо зашипел я. – Вы месяц грызли Лидбиттера – вынь да положь вам норковое манто задарма, повысь ренту, продай дом! Так его доняли, что у бедняги нервное истощение, но вы ведь так ничего и не добились. Я сделал вам все: манто, ренту, дом. В один день. Слышите? В один! А с Лидбиттером сколько бились! Ладно! И каков результат? На манто вы сэкономили тридцать тысяч! От ренты – по пять тысяч ежегодно! Вы избавляетесь от пяти жильцов, выставить которых у вас духу не хватало! И от продажи дома барыш. И все – благодаря мне. – Я снова встряхнул ее. – Слышите? Нет? – Я наклонился и проорал: – БЛАГОДАРЯ МНЕ! Все устроил я. Ради какого такого черта? Как думаете? Умалить вас? Затащить к себе в постель? Ни черта! Я занимаюсь рэкетом потому же, почему и вы! Хочу сделать деньги! Так же как и вы! Что я такого сделал? Вас обжулил? Ваши деньги присвоил? Отвечайте? – Я встряхнул ее. – Нет и нет! Я делал деньги для вас и урвал кусочек себе у простофиль, на которых наживаетесь и вы! Так чего вы ор подняли? Украл у вас я что-то? Потеряли из-за меня хоть доллар? – Я отступил, меня била дрожь, на лице проступил пот. – Ступайте, звоните Стернвуду! Расскажите ему! Поплачьтесь! Я потеряю работу, а что потеряете вы? Воображаете, сумеете без меня повернуть налоговое мошенничество? Давайте! Увидите, как скорехонько окажетесь в тюрьме! Болтовня обойдется вам в тридцать тысяч! Пожалуйста, звоните, скорее! Мне плевать!

Я отвернулся и пошел на террасу. Чувствовал я себя как после битвы, и мне уже и правда было все равно, как обернется дело. Я бросился в кресло-качалку и сидел, уставясь в пространство минут пять. Тут я почувствовал, что она стоит рядом. В ее тощей фигурке было что-то жалкое.

– Вы сделали мне больно, – жалобно сказала она. – Синяков насажали. У, какой!

– А вы мне – нет? – Я промокнул нос платком, из царапины еще сочилась кровь. – Скажите спасибо, шею вам не свернул.

Она присела рядом.

– Мне пить хочется. Может, оторветесь от своих эгоистических переживаний и принесете?

Я пошел в зал и нажал на звонок. Никакие слова не передадут моих чувств. Я вступил в бой и победил! Я понимал это. Понимала и она. А это означало, что я вошел в дверь и ничто теперь не помешает мне! Вот он – величайший триумф моей жизни!

Появился Харджис. По выражению его лица я понял: он думает, что ему сейчас прикажут выбросить меня вон. Увидев, что на кнопке звонка мой палец, он застыл как изваяние.

– Принесите бутылку лучшего шампанского, – распорядился я.

Харджис перевел взгляд на террасу, где Вестал расстегнула курточку, обозревая свои синяки, тихонько мурлыча песенку.

– Слушаюсь, сэр, – бесстрастно сказал он.

– Да проверьте, чтобы действительно лучшее. Не то бутылку о вашу голову разобью.

Глаза его остановились на моем лице. В них читалась ненависть. Когда он ушел, я подошел к телефону и набрал номер Блекстона.

– Есть новости о «Конвее», Райан?

– Конечно. Только что распродался. Очистилось тридцать пять тысяч для мисс Шелли и тебе причитается с меня девятьсот долларов. Недурно?

Я взглянул на террасу. Вестал по-прежнему рассматривала синяки. Она вывернулась на шезлонге, и мне была видна ее чахлая белая грудь. Я отвел глаза. Любоваться нечем, плоды высохшие и неаппетитные.

– Отлично, – одобрил я. – Сделай чек мисс Шелли на меня...

– Но послушай, Чад...

– Ты слышал? – прервал я. – Ты на меня работаешь, не на нее. Я ей дам сам чек. Понятно?

– Хорошо, Чад. Но обычно так не делается.

Я положил трубку. Никому не позволено бить меня по лицу безнаказанно. Хватит с мисс Шелли двадцати тысяч. Остальные пятнадцать пойдут на мой счет в банке в качестве компенсации.

Теперь понимаете, о чем я говорил? Я прошел через дверь и очутился в новом чудесном мире.

Когда я вышел на террасу, Вестал торопливо запахнула жакетик. Потом она совершила поступок, который меня шокировал, а шокировать меня, поверьте, нелегко. Она послала мне лукавый застенчивый взгляд и притворно стыдливо улыбнулась:

– Вы не должны так подкрадываться, вы подглядываете за мной!

Подглядываю! Предположение настолько нелепое, что даже не смешно. Неужто эта высохшая уродина и вправду воображает, будто мне охота за ней подглядывать? Неужто смотрит на меня и не понимает, что стоит мне только пальцем поманить, и ко мне хлынет толпа женщин?

Кое-как я изобразил ослепительную улыбку.

– Вы, мисс Шелли, смущаете меня. У меня на уме было совсем другое. Я только что сделал для вас двадцать тысяч.

С нее мигом слетело всякое лукавство, глаза вытаращились.

– Я тут немножко рискнул от вашего имени, – продолжал я, усаживаясь подле. – Сегодня утром дал своему маклеру инструкции купить на четверть миллиона «Цемент Конвей». Акции поднялись на четыре пункта, и он вышел с двадцатью тысячами прибыли.

Она молча уставилась на меня.

– Вы... вы осмелились пустить в ход четверть миллиона моих капиталов? Без моего разрешения?

– Никаких ваших денег я не трогал! – нетерпеливо огрызнулся я. – В ход я пустил ваше имя, которое стоит дороже денег. Другими словами, я заложил ваш кредит.

– Немыслимо! А если бы акции упали? Вы что, воображаете, я стала бы расплачиваться?

– Акции не могли упасть, – ухмыльнулся я. – Если вкладываешь четверть миллиона в концерн, акции его непременно подскочат. Разве не ясно?

– Но почему со мной не посоветовались! – Она остро взглянула на меня. – Сколько, говорите, я получила?

– Двадцать тысяч. Но если вам неохота брать их, только намекайте! Мне они тоже не помешают!

Она долго смотрела на меня, постепенно во взгляде у нее проступило зачарованное восторженное выражение.

– Вы, мистер Винтерс, похоже, и вправду ужасно умный молодой человек.

– Хотя мошенник, жулик и рэкетир?

– Я рассердилась очень! – расхохоталась она.

– Ну так надо извиниться. – Я глядел ей прямо в глаза. – Если, конечно, мнение у вас переменялось.

– Переменялось. – Она состроила мне гримасу. – Извиняюсь. – И жалобно потерла плечо. – А вам тоже следует извиниться. Вы мне сделали больно.

– И не подумаю. Давно пора, чтобы вы почувствовали крепкую руку. Слишком долго своевольничали. Радуйтесь, что не отлупил вас.

Позади меня кашлянули, я обернулся. Харджис стоял, держа поднос с ведерком с шампанским и два бокала. Он поставил все на столик, откупорил бутылку и разлил шампанское. Он уже собирался уходить, но я остановил:

– Минутку. Сначала попробую, что принесли. – Я отпил, кивнул и посмотрел на него. – Это, Харджис, гораздо лучше. Чуть-чуть слабовато охлаждено, ну да ладно. О'кей, бегите себе.

Он ушел молча, деревянной походкой.

Вестал хихикнула.

– Представляю, что ему мерещится. – Она взяла бокал, который я протягивал ей. – Не нужно с ним так разговаривать.

– Пора его на место поставить. Ладно, забудем о нем. Невелика птица. Поговорим, мисс Шелли, о деле. Как вы договорились с Хау?

– Никак. Я так разозлилась, что не стала его слушать. Обещала, что встретимся позже.

– О'кей. Я им сам займусь. Хау – человек полезный. Он без всяких проблем соберет для вас квартплату, но необходим контроль с моей стороны.

– Знаете, мистер Винтерс, я рада, что вы на моей стороне. Вы ведь на моей, правда? – Она внимательно посмотрела на меня.

– По-моему, я дал достаточно доказательств. Я за вас, не сомневайтесь, но и за себя тоже. Так уж получилось, что мы по одну сторону. Теперь, когда мы все выяснили, давайте поговорим про ваши вложения. Банк уже давно не пускает в оборот ваши свободные деньги. Я прошу у вас разрешения на перемены. А также разрешения высвободить четверть миллиона. Я буду играть на них. – Она начала было что-то говорить, но я прервал: – Предполагается, что если я потеряю больше двадцати тысяч в месяц, то сумма эта у меня изымается. Каждые две недели я буду представлять вам отчет, подробный, об операциях с деньгами, и, если я сделаю для вас минимум пять тысяч в месяц, мы их вложим в государственные облигации.

– Но я не хочу терять двадцать тысяч, – возразила она. – На такое я согласиться не могу.

– Я же только что сделал вам двадцать тысяч из ничего! Создал фактически запас, на который могу играть. Так чего вы нервничаете? Но если вам не нужны деньги, не облагаемые налогом, скажите, я уж не буду тогда суетиться.

Она колебалась.

– Но отчет пишете тогда еженедельно.

– Хорошо. Мне все равно. Будете еженедельно получать.

– Вы правда считаете, что сумеете сделать для меня пять тысяч в месяц? Без налогов?

– Вполне уверен.

– Ладно, тогда разрешаю. – Она с сомнением изучала меня. – Наверное, и для себя сумеете на этом выгадать?

Я расхохотался:

– Разумеется! У меня договор с маклером. Вам это не будет стоить ни даймы, а ему обойдется дорого. – Я отодвинул кресло и встал. – Ну, мисс Шелли, у меня полно дел, побегу.

Мисс Шелли сидела, глядя на меня во все глаза. По-прежнему восхищенно и зачарованно.

– Хотите пообедать со мной сегодня вечером?

– Простите, – покачал я головой, – но у меня вечером свидание.

– О, с женщиной, конечно.

– Нет. Иду на бокс. Сегодня никаких женщин.

– Бокс? Где это?

– На стадионе Парксайт.

– Мне так давно хотелось посмотреть бокс. Возьмите меня, а?

Я совсем было собирался отказать, да вдруг до меня дошло, что высокопоставленная надменная мисс Шелли, стоящая семьдесят миллионов долларов, напрашивается на приглашение.

Брать ее мне не хотелось. Я уже договорился на вечер с хорошенькой блондиночкой, но тут для меня сверкнул шанс слишком блестящий, чтобы упускать. Мой кредит подскочит, да и ребята обалдеют при виде меня с мисс Шелли под ручку.

– Вам правда хочется? – небрежно спросил я.

– Да, да, пожалуйста! – Она вскочила, ее худое изможденное лицо оживилось, зажглось. – Возьмете?

– Ну конечно, если желаете. Заеду за вами, скажем, в семь. И пообедаем заодно на стадионе.

– Жду в семь.

– Договорились, мисс Шелли. – Я пошел к лестнице в сад и приостановился.

– Я пока не отдал вашу машину. Можно мне еще немного ее подержать?

– Ну разумеется. – Она была похожа на ребенка, возбужденного от предвкушения первого праздника. – Пользуйтесь сколько пожелаете, мистер Винтерс.

– Благодарю.

Когда я медленно ехал обратно по горной дороге в Литтл-Иден, я подсчитывал доходы. За два дня мне очистилось двадцать четыре тысячи долларов! Просто невероятно! Партнерство с Райаном принесет мне по меньшей мере тысячу в месяц. О чем же мне беспокоиться? Наконец-то мне засветила удача. Если правильно поведу дело – а я твердо намеревался постараться изо всех сил, – денежный приток не оскудеет.

Нет, утро прошло недаром!

Глава пятая

Шел последний из предварительных раундов, когда мы вышли из ресторана стадиона и направились на наши места на правой трибуне. Я быстро обнаружил, что выход с Вестал Шелли – событие королевское. На ней было легкое белое вечернее платье, белый шарф маскировал костлявые плечи. Вестал искрилась бриллиантами: на шее бриллиантовое кольцо, в волосах – бриллианты, бриллианты посверкивали на лифе платья и мерцали на запястьях. Эффект ошеломляющий, от малейшего ее движения разноцветные огоньки ослепляли меня.

На стадион мы приехали в «роллс-ройсе», здоровенном, как боевой корабль. Джо, шофер, был упакован в кремовый мундир, лаковые до колен сапоги, перчатки с раструбами и кремовую кепку с кокардой.

Полное ощущение, что я попал в голливудский фильм. А когда администратор сошел по красной ковровой дорожке, чтобы приветствовать Вестал, тут-то мне и пришла мысль, что событие это – королевское.

Через некоторое время прибыла пресса, и остаток обеда мы провели под вспышки фотокамер. Похоже, мисс Шелли редко появлялась на публике, и ее приход вызвал сенсацию. Нам не очень-то удавалось поговорить за обедом – нас осаждали фотографы и репортеры; не отходя, крутился метрдотель, – а в общем-то, это было приятно. И я видел, что Вестал получает удовольствие не меньше, чем я.

Забавно, но мне и в голову не приходило, что удовольствие она получает от моей компании. Мне-то казалось, что ей, как и мне, приятна вся эта суматоха вокруг нас. Лишь позднее я сообразил, что будоражило ее мое общество. Когда мы пили кофе с бренди, к нашему столику подошел детина с суровым лицом, в сером отглаженном костюме, черные волосы у него были коротко острижены и серебрились на висках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.